

«ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ

Д.П. Исаев

Аннотация. Статья посвящена «историографическому источнику» как стержнево-му понятию историографической науки. Возникнув 50 лет назад, оно претерпело эволюцию, наполнилось новым содержанием. Автор выделяет несколько этапов в его осмыслении. Для первого этапа был характерен определенный интуитивизм, смешение с понятием историографического факта. Достижением следующего этапа явились содержательные определения, тенденция к расширительному его пониманию за счет расширения самого предметного поля историографии. Обращается внимание, что теоретическая рефлексия в советский период опиралась на объективистскую ориентацию в познании реальности как таковой. Из чего следовала возможность установления иерархии историографических источников по предполагаемой «близости» к искомой исторической реальности. В постсоветский период постепенно намечается смена парадигмы, непосредственным образом коснувшаяся и проблемы историографического источника. Значительное место в работе уделяется новым взглядам на источник, исходя из понимания социокультурного контекста вокруг науки. С другой стороны, как реакцию на продолжающуюся размытость предмета историографии, можно рассмотреть появление версий узкой трактовки историографического источника. Парадигмальным сдвигом представляется переориентация историографов с анализа содержания источника на анализ его природы. Однако и эта смена ракурса не способствовала консолидации мнений о нем. Делается вывод, что тенденция к расширительному пониманию источника превалирует. Сегодня перспективы видятся в отказе от самого конструкта «историографический источник», во внедрении дополнительного понятия «биоисториографический источник» и др. Автор видит потенциал также в обретении новой статусности отдельных видов историографических источников.

Ключевые слова: историографический источник, классификация историографических источников, историографический факт, интернализм, экстернализм, биоисториография.

“HISTORIOGRAPHICAL SOURCE”: PROBLEMS OF THE CONCEPT’S HISTORY AND INTERPRETATION

D.P. Isaev

Abstract. The article addresses the “historiographical source” as a core concept in the science of historiography. Having emerged 50 years ago, it has undergone evolution and has been filled with new content. The article identifies several stages in understanding the evolution of the concept. The first stage identified certain intuitiveness, mixing “source” with the concept of historiographical fact. Among successes of the next stage were the meaningful definitions, the tendency to expand understanding by developing the subject field of historiography. It is important to note that the theoretical reflection during the Soviet period was based on the objectivist orientation in the knowledge of historical reality. That was followed by the possibility of establishing a hierarchy of historiographical sources over the supposed “proximity” to the historical reality. In the post-Soviet period, a paradigm shift gradually emerged, directly affecting the topic of the historiographical source. A focus of the article is given to new views on the source, based on an understanding of the sociocultural context around Humanities. As a reaction to the continuing blurring of the subject of historiography, one may consider the emergence of versions in a narrow interpretation of the historiographical source. A paradigm shift is the reorientation of historiographers from analyzing the content of the source to examining its nature. However, this change of perspective did not contribute to the unity of opinions about the source. The article concludes that the trend towards an extended understanding of the source prevails. Today, the prospects are seen in the rejection of the very construction of “historiographical source”, in the introduction of an additional concept of “biohistorographic source”, etc. The author also sees the potential in the acquisition of a new status of distinct types of historiographical sources.

Keywords: historiographical source, classification of historiographical sources, historiographical fact, internalism, externalism, biohistoriography.

Парадигмальные изменения, сопровождающие сегодня историческую науку в целом и историографию в частности, ведут к необходимости выработки в науках актуального языка описания. Что вынуждает проводить своеобразную ревизию наличного понятийно-категориального аппарата исследований. В арсенал работы ученых входит новая лексика, зачастую не требующая серьезной рефлексивной проработки, если она не препятствует научной коммуникации. Существуют, однако, стержневые понятия, сконструированные для реализации определенных моделей научного знания. В условиях теоретико-методологической неопределенности, сопровождающей «тектонические» сдвиги в науке, проблематизация данных понятий становится обычным делом. И эти усилия являются попыткой ответа на вполне сакраментальный вопрос: как исследуемые объекты будут «работать» в новой среде. К примеру, когерентный для экстерналистского историко-научного нарратива «социокультурный контекст» в интерналистской стратегии будет «звучать» иначе.

В центре нашего внимания находится понятие «историографический источник». Оно возникло около 50 лет назад в отечественной историографической науке, наряду с другими, составившими лексический арсенал историографов. И сегодня, когда появились предложения отказаться от его использования, возникает потребность в целостном взгляде на попытки содержательного определения, практики использования, эволюцию понятия за эти полвека, чтобы подумать о его дальнейших перспективах. Ответа требует вопрос: насколько данное понятие соответствует современным постклассическим моделям историографической науки.

Оговоримся, что историография как дисциплина, возникающая в XIX в., безусловно, ставила вопрос о своей источниковой базе. Однако, в целом, задача определения «историографического источника» у дореволюционных историков не стояла. Можно выделить разве что А.С. Лаппо-Данилевского, обращавшего внимание на разницу между историческими и историографическими источниками [Киреева, 1983, с. 94]. Проблема была актуализирована в отечественной науке только во второй половине XX в., когда и появился сам конструкт, и именно в такой фразеологической форме. От этого времени мы и отталкиваемся, обращаясь к трудам отечественных и русскоязычных историографов ближнего зарубежья.

Необходимо отметить, что к истории понятия историографы обращались и ранее. Стоит упомянуть работу Е.Н. Соломахи и, особенно, статью С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой [Маловичко, 2017; Соломаха, 2016]. В ней авторы обратились к истории понятия, чтобы затем предложить свою модель историографического источника. Соответственно, нашу задачу «повторного» обращения к теме мы видим в том, чтобы вписать предложенную ими схему в историографический контекст, проанализировав, в том числе, размышления их критиков. А также поделиться своими соображениями в дискуссионном формате.

Итак, на 1960–70-е гг. приходится определение предметного поля отечественной историографической науки как самостоятельной исторической дисциплины, формирование ее понятийно-категориального аппарата и т.д. Знаковым событием в этом процессе выступило начало издания периодического сборника «История и

историки». Кстати говоря, в первом номере главный редактор М.В. Нечкина еще использует словосочетание «источники историографии», сама множественная форма которого свидетельствует о преимущественном внимании к такому его признаку как *содержание* этих источников [Нечкина, 1965, с. 10]. Как специальный термин «историографический источник» появляется в работе С.О. Шмидта 1965 г. Хотя, в данной работе, посвященной проблеме собирания материалов по истории исторической науки, автор еще не дает ему точного определения [Шмидт, 1965, с. 7, 24 и др.]. Стоит отметить, что предложенное понятие легло на благодатную почву. Условно первый этап его использования можно охарактеризовать как интуитивный, когда отсутствие определения компенсируется прозрачностью контекста использования. Благодаря чему смысл понятия становится как бы очевидным [напр.: Критский, 1973].

Следующий этап в рефлексии над «историографическим источником» наступает со второй половины 1970-х гг., когда в стране развивается очередной методологический бум, касающийся теоретических проблем исторической науки в целом, источниковедения. Не обойдена была и историография. В 1980 г. выходит знаковый сборник «Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки», ставший важным историографическим фактом в развитии дисциплины. Помимо размышлений о предмете и задачах историографии, историографическом факте, большое внимание авторами было уделено историографическому источнику. Попытаемся обобщить наиболее важные авторские позиции.

Исследователи исходили из того положения, что статус, сущностные характеристики историографического источника для науки остаются неопределенными. Отсюда попытка его теоретической разработки в связи с другими важными вопросами историографического исследования: предметного поля, историографического факта и др. Необходимо отметить, что на первых порах в рефлексии об историографическом источнике сохраняется его двойственное определение и как историографического факта. Мы еще вернемся к вопросу о методологической связи между этими конструктами. А пока подчеркнем, что еще в 1965 г. С.О. Шмидт, в частности, фиксировал, что «историографические факты, т.е. объекты исследования, зачастую являются одновременно и основным историческим источником для исследователя, т. е. основным источником познания историографических фактов (например, печатные и рукописные труды историков)» [Шмидт, 1965, с. 7]. Данная установка сохраняется у некоторых историографов и позднее.

Безусловно, что такое смешение порождало в итоге методологические трудности, поскольку нарушало процедурную логику научного исследования. Ведь факт должен быть добыт на основе изучения источника, то есть явиться результатом этапа исследования. К примеру, вышеуказанную позицию критиковал А.М. Сахаров. По его словам, «факт является вместе с тем и источником не в том смысле, что источник прямо или непосредственно отражает факт истории науки... а в том, что, как и всякий исторический источник, он представляет собой факт, продукт общественного развития...» [Сахаров, 1981, с. 132]. Таким образом, можно предположить, что

данная историографическая проблема явилась результатом некоторой путаницы. Историческое произведение как историографический источник является одновременно фактом, но не историографическим, а историческим, будучи объективированным в социальной среде. Так или иначе, появление этого дискуссионного узелка можно объяснить начальным этапом складывания в историографии собственного научного языка.

Возвращаясь к сборнику 1980 г., зафиксируем, что в основе позитивного определения историографического источника историографы видели его содержание (насколько оно составляет историографическую информацию). Как писал В.И. Дурновцев, «наличие историографической информации в историческом источнике и вовлечение его в сферу историографического познания являются условиями конституирования его как источника по истории исторической науки [Дурновцев, 1980, с. 49]. Надо сказать, что подобная установка была органична для классического этапа развития источниковедения, когда господствовало условно «потребительское» отношение к источнику. Поскольку объектом классической науки выступала объективная реальность, то и усилия были направлены, в первую очередь, на собирание ее фрагментов, *содержащихся* в источнике. Что было характерно и для историографии. К примеру, Л.Н. Пушкарев, отталкиваясь от своего определения исторического источника, предлагал считать историографическим «любой исторический источник, касающийся хотя бы косвенно фактов истории исторической науки...» [Пушкарев, 1980, с. 103]. И его классификация историографических источников исходила из схемы исторического источниковедения. Другим неявным выводом из условия было то, что ценность содержания источника определял сам исследователь.

Обратим внимание и на второе условие, содержащееся в определении В.И. Дурновцева — вовлечение источника в сферу познания науки, что дополняло первое условие. Таким образом, сущностная характеристика историографического источника ставится в зависимость от поставленных историографом познавательных задач (иначе — от предмета исследования). То есть утверждается активное отношение исследователя к источнику. Отсюда возможность существования «потенциально историографических источников» [Дурновцев, 1980, с. 49]. На современном языке описания мы предложили бы понятие «конструирования» источника, вместо «конституирования», как антитезу субъективизма объективизму.

Еще одним узловым вопросом, волновавшим авторов сборника, был следующий: насколько расширительным может быть толкование историографического источника. Очевидно, что сама возможность его постановки напрямую вытекала из предыдущего рассмотренного условия источника — его содержания. Ведь если определяющим является содержание источника, то следующей будет проблема его конкретного наполнения. Исходя из общего разделяемого суждения, что основным историографическим источником являются труды историков, авторы озаботились тем, что же может их дополнять. Поскольку всем было ясно, что историограф не ограничивается анализом лишь главных исторических трудов, а привлекает и

документы личного происхождения, другие вспомогательные материалы, касающиеся как личности самого историка, так и движения науки в целом. Таким образом, оказалось необходимым уточнить, что существует и опосредованная историографическая информация, относящаяся к личностному или социальному планам. Очевидно, что под прямой историографической информацией понимались суждения историков о тех или иных аспектах изучаемой ими исторической реальности. Ключевой характер этой проблемы проявлялся в том, что ее решение напрямую реализовывалось в возможности построения той или иной иерархической классификации историографического источника.

Большинство исследователей выступило за расширительное его толкование. Если тот же В.И. Дурновцев ставил во главу угла наличие историографической информации, то, к примеру, для Е.Н. Городецкого источниками являлись и те, которые напрямую не содержали в себе прямых данных по истории науки, но отражали «макроклимат», общественную атмосферу [Городецкий, 1980, с. 120]. Предложенные определения действительно разнообразны. Правда, дифференцирующим фактором в предложенных расширительных трактовках историографического источника выступало здесь отношение к самому предмету историографии. Все зависело от того, каким его видели исследователи. Если речь шла о закономерностях развития профессионального исторического знания, то в центр исследовательского внимания ставилась историческая концепция как результат научных усилий какого-либо ученого. И тогда для историографического труда по изучению условий ее появления, истории создания, возможной эволюции необходима соответствующая источниковая база. К примеру, В.В. Иванов настаивал на расширении корпуса историографических источников за счет эпистолярного наследия ученых, которое помогает учитывать мировоззренческий аспект их творчества [Иванов, 1980, с. 130]. Если же к предмету историографии добавляется еще изучение исторического сознания, влияние исторической науки на «историческое самопознание народа» [Волин, 1980, с. 123], то налицо значительное обогащение источниковой базы историографии. К примеру, Ю.В. Качановский как пример предложил рассматривать в качестве таких источников фронтовые письма и многотиражки, «содержащие информацию об общественном резонансе, вызванном книгой того или иного историка» [Качановский, 1980, с. 73].

Таким образом, признание целесообразности расширительного толкования историографического источника можно назвать продуктивным итогом работы ученых. В резюмирующем послесловии М.В. Нечкина разделила мысль о неоправданном сужении понятия требованием наличия историографических данных. По ее словам, «существует и другой большой круг источников, привлекаемых историографом... откуда он черпает факты, которые не имеют прямого отношения к исследуемому вопросу, но объясняют эпоху, связь исторического произведения с эпохой... [Нечкина, 1980, с. 136–137]. С другой стороны, это же расширительное толкование историографического источника, имеющее в своей основе разное понимание предметных рамок историографии, препятствовало выработке его консолидированного определения. Сохранялся уровень стихийного, интуитивного его понимания.

Завершая обзор дискуссионных положений сборника 1980 г., отметим еще одну немаловажную деталь: рефлексия об историографическом источнике шла в непосредственной связи с осмыслением другого сложного понятия «историографический факт». Как и в ситуации с источником, ученым непросто было ухватить суть и историографического факта, в силу его многослойности. Стоит указать на сходную логику в его конструировании: определение факта отталкивалось от понимания предметного поля историографического исследования, которое в дискуссии также стремилось к расширению, захватывая не только науку, но и область исторического знания в различных его проявлениях. Признав в качестве основного историографического факта научную концепцию, исследователи часто предлагали относить к ним и такие факты, которые отражали бы деятельность исторических научных учреждений, органов печати, всего, что проясняло творческую мысль ученого [напр.: Санцевич, 1980, с. 77]. Таким образом, рефлексия о факте, как и об источнике, с неизбежностью все более захватывала контекст, окружающий науку.

Итог размышлениям того времени об историографическом источнике был подведен в работе А.И. Зевелева, в немалой степени вобравшей опыт размышлений авторов сборника. Оценивая состояние современного историографического источниковедения, ученый высказался, что оно находится на этапе «первоначального накопления знаний», при этом отметив несомненные сдвиги в развитии теоретико-методологического инструментария дисциплины. Так, историограф говорил о преодолении мнения о том, что историографические факты одновременно выступают и историографическими источниками. По его словам, понятие факта шире понятия источника: не всякий историографический факт материализуется в историографический источник, доступный для широкого изучения; установление факта осуществляется на базе комплекса источников и т.д. [Зевелев, 1987, с. 118, 120, 123].

Опираясь на изложенные мнения, теоретическую аргументацию историографов, А.И. Зевелев предложил уточненное определение, согласно которому «историографическими источниками являются те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования». Таким образом, была установлена зависимость источника от предмета исследования. Что закрепило неизбежность дальнейшей эволюции историографического источника вслед за изменением предмета историографии. При этом, автор согласился с «широкой» трактовкой, включая в круг источников и те, которые не несут прямой «историографической нагрузки», «но связаны с условиями, в которых осуществляется социальная функция исторической науки». Это позволило автору провести систематизацию, выделив, кроме, собственно, трудов историков, группы источников, отражающих «классовые и идейные условия функционирования исторической науки», историю исторических учреждений, психологию научного творчества и др. [Зевелев, 1987, с. 120, 127–133]. Таким образом, А.И. Зевелев подвел определенные итоги развития историографической мысли в СССР, совмещая традиционные трактовки с постановкой новых проблем, над которыми будут работать уже историографы в постсоветский период.

Обратим внимание на характерные черты рассмотренного этапа. Советская историография воплощала в себе типичные черты классической науки с ее объективистской ориентацией на познание инвариантной исторической реальности. Естественным образом предполагалось, что труды ученых должны в целом ее адекватно отображать, реализуя, таким образом, основную функцию науки. То есть историк своими исследованиями должен был воссоздать картину прошлой реальности и познакомить с ней остальных.

Соответственно, историограф, в свою очередь, свои исследовательские задачи соотносил с тем, чтобы через данный предмет изучения (историческая концепция и т.д.) «просматривалась» та самая историческая реальность. То есть, в этом процессе исследования историографический источник выступал также и в роли посредника изучения той единственной реальности. Поэтому теоретики сосредоточили свое внимание на «содержании» «историографического источника», отталкиваясь от которого, можно было выделить главные и второстепенные источники. В зависимости от того, насколько «близко» они позволяли подойти к искомой реальности. То же относилось и к историографическим фактам. Отсюда необходимость построения иерархии источников и фактов. Внимание же к общественной атмосфере, говоря сегодняшним языком, социокультурному контексту, который его и породил, определялось тем, насколько этот контекст мог ускорить или затормозить процесс научного познания. Отсюда, к примеру, внимание к классовой составляющей историографического источника. Не случайным, а закономерным представляются суждения историографа, что внимание к творческой лаборатории того или иного ученого через призму дополнительных источников «позволяет проследить становление его мысли, прогрессивное развитие (или, напротив, спад) творческой активности» [Шмидт, 1975, с. 268]. «Прогрессивность» предполагала определенную степень близости к познаваемой исторической реальности. Это и подводило советских историков (хотя, и не всех) к необходимости расширительного понимания историографического источника, чтобы вспомогательные материалы, имеющие индивидуализирующий или социальный характер, позволили уловить указанные влияния.

Известные попытки конструирования нового видения историографического источника обнаруживаются на постсоветском историографическом пространстве. Небезынтересными представляются суждения О.Б. Вовк о расширении источниковой базы историографии, исходя из которых можно сделать вывод, что автор проблематизирует необходимость выделения главных и второстепенных источников [Вовк, 2000]. Что свидетельствует о начале ревизии той модели историографического источника, которая была предложена в предшествующий период.

Работая в рамках науковедческой и культурологической парадигм, С.П. Бычков и В.П. Корзун рассмотрели историографический источник как социокультурную практику. По их словам, «традиционный исторический источник, вовлеченный в процесс историографического анализа, приобретает новый статус — статус историографического источника». Таким образом, речь идет о конструировании

историографического источника, который становится таковым, когда включается в отношении «историк-источник» [Бычков, 2001, с. 38]. Именно появление в поле зрения историографа широкого культурологического пространства вокруг научного творчества, не позволяет, по словам авторов, отождествлять историографический источник и историографический факт. Поскольку в разных социокультурных средах последний будет функционировать по-разному.

В другой работе В.П. Корзун, дифференцируя весь корпус историографических источников, предложила в нем выделять основную, или «опорную группу» (произведения историков) и вспомогательную группу – остальные источники, воссоздающие «атмосферу творчества, особенности жизни и натуры...историков» [Корзун, 2000, с. 22–23]. Что является определенной данью историографической традиции. В целом, в работах омских историографов заметна очевидная переориентация в сторону учета социокультурной среды, влияющей на процесс производства исторического знания. Отсюда внимание к индивидуальным, социально-психологическим аспектам творчества. Разница с предшествующей парадигмальной установкой видится прежде всего в том, что от оценочной характеристики внешней среды историографу предлагается перейти к функциональной и воспринимать ее как необходимую данность.

Однако данный подход не сразу был воспринят научным сообществом. Так, Г.М. Ипполитов в предложенной классификации историографических источников воспроизвел достаточно узкое его понимание, ограничивая понятие кругом научных исследований, «характеризующих проблему, которая избрана для историографического исследования». Вторую же группу вовлеченных в историографическое исследование составили уже «исторические источники – комплекс документов и материалов, отражающих период истории, который входит в проблему, подвергаемую историографическому исследованию». К ним и относятся различные архивные и опубликованные документы, эгоисточники, периодическая печать [Ипполитов, 2011, с. 503–506]. Данная классификация воспроизводит типично интерналистскую стратегию научного познания. Исходя из того, что источник должен соответствовать предмету историографии, можно сделать вывод, что если, по Г.М. Ипполитову, историографическими выступают лишь научные произведения, то и предметом такого исследования является внутренняя логика научного процесса. Причем предложенный взгляд не лишен противоречий, поскольку в самом понимании историографического источника автор идет вслед за В.П. Корзуном, предлагая рассматривать его в трех аспектах: научном, индивидуальном и социальном [Ипполитов, 2011, с. 503].

Надо сказать, что актуализация в современности подобной узкой трактовки историографического источника опирается на существующую научную традицию, ярким представителем которой можно назвать упоминавшегося уже С.О. Шмидта. В поздний период своего творчества он предложил рассматривать «собственно историографические источники» (научная продукция) и иные, которые по своему происхождению и направленности не являются таковыми, хотя и широко используются

в историографическом исследовании [Шмидт, 1997, с. 185–186]. Здесь необходимо пояснить, что уважаемый Сигурд Оттович, с его бережным, даже трепетным отношением к наследию историков, конечно, всячески выступал за всемерное расширение источниковой базы историографической науки. При этом, проводил такую градацию, исходя из критерия предназначения источника.

В качестве логического развития указанной линии в понимании историографического источника (узкая трактовка) рассмотрим концепцию М.Ф. Румянцевой и С.И. Маловичко, предложенную в ряде работ. Оригинальность авторского взгляда представляется нам рубежной точкой для осмысления развития теоретических представлений об источнике. Нужно отметить, что данный взгляд на источник разработан в предметном поле дисциплины источниковедения историографии, объектом которой является система видов историографических источников, а предметом — «порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках» [Маловичко, 2017, с. 79]. Авторы исходят из того, что классический взгляд на источник как хранилище информации не соответствует современным научным интенциям, в том числе, не способствуя рефлексии над его имманентными свойствами. Отталкиваясь от теоретического представления об историческом источнике как «объективированном результате творческой деятельности человека/продукте культуры», они предлагают рассматривать историографический источник в этом же ключе. Источник из просто исходного материала сам превращается в объект исследования. С анализа содержания источника историографы переходят на анализ его природы. Новизна данной стратегии заключается в том, что историографический источник как интеллектуальный продукт становится в первую очередь источником информации о его творце и исторической (шире — научной) культуре его времени.

Подобное смещение акцента с помощью «базового» принципа современного источниковедения — «экспликации видовой природы исторического источника» позволяет выявлять целеполагание автора исторического труда [Маловичко, 2017, с. 90–91]. То есть, в качестве критерия выделения этой группы источников признается их предназначение. Исходя из этого, историографическим источником М.Ф. Румянцева и С.И. Маловичко называют лишь «произведения историков, которые реализуют функции презентации и позиционирования исторического знания». Взяв за основу видовой классификации социокультурную функцию, реализуемую в историческом произведении, авторы предложили выделять две группы видов историографических источников научной истории и социально ориентированного историописания [Маловичко, 2017, с. 89, 95].

Предложенная дефиниция и подход в целом вызвали определенную реакцию научного сообщества, в том числе критическую [Антощенко, 2019, с. 298]. Известный историограф Н.Н. Алеврас, комментируя историографический источник как «базовое понятие источниковедения историографии», закономерно задается вопросом о том, насколько продуктивным будет узкое его понимание в такой дисциплине как историография в целом, предметное пространство которой значительно шире

[Алеврас, 2017, с. 105–106]. В позитивной части своей программы ученый отталкивается от суждения О.М. Медушевой, что различные прилагательные к существительному ИСТОЧНИК говорят не о его природе, а о сфере исследовательского интереса. Помещая историческое знание в целостное пространство гуманитарного знания, по мнению историографа, можно обойтись и без прилагательных «исторический» и «историографический», поскольку «результаты научной деятельности историков находятся в общей совокупности интеллектуальных продуктов системы информационного ресурса гуманитаристики» [Алеврас, 2017, с. 116–117].

Позволим себе также высказать некоторые соображения в связи с источниковедческим подходом М.Ф. Румянцевой и С.И. Маловичко. Указание на проблему природы источника существенно углубляет возможности историографического анализа. Содержание историографического источника вступает в корреляционные отношения прежде всего с миром историка. Поэтому соотносить данное содержание следует с реальностью другого толка – сознанием автора. Другое дело, что целеполагание не всегда может быть артикулировано самим автором источника. И если под ним понимать прямое предназначение, то как быть с другими факторами, иницирующими и определяющими тот или иной исследовательский опыт? Тем не менее, в рамках дисциплины источниковедения историографии модель выглядит достаточно стройной и логичной. Однако, и здесь согласимся с Н.Н. Алеврас, с неизбежностью возникают методологические трудности в поле, собственно, историографии, поскольку «своего» источника для каждой дисциплины придумать нельзя. Речь идет о предметном соответствии историографического источника. В условиях неопределенного и расширяющегося предметного поля историографии узкое понимание источника просто не будет ему соответствовать. Поэтому ограничение историографического источника трудами историков нам кажется *избыточным*. И вот еще почему. Речь идет о понимании сути «историографической информации» в нем. Историографический источник поэтому и называется таковым, поскольку претендует на то, чтобы через него можно было *объяснить* историографический процесс. В таком случае остальные источники, даже весьма интересные, могут только *дополнять* картину. Значит, весь вопрос в том, чем обусловлен этот самый историографический процесс? Можно ли только текстами его объяснить? Ограничение состава историографических источников самими историческими произведениями, неявно, но содержит в себе интерналистскую линию, где творческий продукт «самодостаточен» в плане научной детерминации. Что вступает в некоторые противоречия с самим фактом выделения источников социориентированного историописания, в которых проявляется уже социальная детерминация. Тем более, что сами исследователи показали, как можно плодотворно работать с исторической культурой и, шире, социокультурным контекстом при анализе историографического источника [Источниковедение, 2015, с. 593–609].

Историографическое источниковедение сегодня продолжает обогащаться новыми взглядами на источник, приемами работы с ним и т.д. Важное направление в историографии, а именно биоисториографию разрабатывает Т.Н. Попова, одесская исследовательница, активно участвующая в формировании русскоязычного дискурса

современной историографии. Интересно заметить на примере ее творчества, как меняется сам язык историографической науки. К примеру, традиционное словосочетание «труд историка» уступает место «конкретному тексту», «большому тексту» и т.д. Т.Н. Попова вводит понятие «биоисториографического источника», который понимается как историографический источник, несущий информацию о биографии историка. Соответственно, и историографический факт здесь превращается в биоисториографический [Попова, 2017, с. 124].

По мнению историографа различные авторские стратегии биоисториографического исследования задают свой набор и структуру источников. Понятно, что в таком случае нелогично выделять основную и вспомогательную группы, так как иерархия источников композиционно неисчерпаема. По словам Т.Н. Поповой, в зависимости от авторской стратегии, будь то персональная история, традиционная или интеллектуальная биография, «структура источниковой базы биоисториографического исследования может быть представлена вариативным разнообразием» [Попова, 2017, с. 127, 130]. Т.Н. Попова также предлагает расширительную трактовку источника. Судя по предложенным вариантам, туда могут входить разнообразные материалы, начиная от персональных текстов, документальных материалов и заканчивая местами памяти/пребывания «героя» и «историко-культурным контекстом» [Попова, 2017, с. 128–130].

Здесь налицо конструктивистские интенции: источник под пером историографа преобразуется в «биоисториографический». С другой стороны, симптоматична сама акцентировка связи «текст – биография». Отметим, что современная «биографизация» историографической науки является, в том числе, следствием дальнейшей эволюции субъект-объектных отношений в научном познании. В частности, продолжающейся переориентации внимания на реальность самого субъекта (историка). Историографическая наука как бы заново «присваивает» биографический жанр, поскольку именно его оптика позволяет эффективнее решать задачи тонкого изучения жизненного мира ученого. Поэтому, как представляется, биоисториография – это не просто отдельный жанр, а скорее маркер продолжающихся парадигмальных сдвигов.

Итак, на повестке дня решение вопроса: произведения историков – это главный, один из, единственный историографический или просто источник? Как кажется, современные варианты определения историографического источника должны продуцировать принципиально неиерархичные его классификации. Исследовательские практики историографов показывают, что авторы все с большей охотой используют и вводят в научный оборот документы личного происхождения историков. Дело здесь не только в добросовестной эвристике. Происходит осознание того, что данные источники способны объяснить движение мысли, а не только дополнить образ. К примеру, по признанию А.В. Антощенко, письма-исповеди Г.П. Федотова «позволяют понять формирование принципов исторического исследования, которые складываются, как выяснилось, не только в университетских аудиториях, во время работы в архивах или библиотеках... но и в межличностных отношениях, в

том числе и в любви» [Антощенко, 2019, с. 301]. Что это, если не сильная зависимость познания от начальных условий, находящихся вне науки!? [Маркова, 2013, с. 21]. Данное обстоятельство позволяет указать на продуктивность расширительного понимания историографического источника. Правда, в отличие от прежней парадигмы, смысл не в безмерном расширении предмета историографии, а скорее, в его углублении за счет взгляда на науку как культурного феномена. Речь идет о том, чтобы через новую статусность отдельных видов источников увидеть индивидуальный и социальный «опыт» занятия наукой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алеврас Н.Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений // *Мир историка: историографический сборник*. Вып. 11. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С. 100–121.

Антощенко А.В. О письмах Г.П. Федотова и не только // *Мир историка. Историографический сборник*. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. С. 292–307.

Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: учеб. пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 359 с.

Вовк О.Б. Терминологические проблемы историографии: историографический факт и историографический источник // *Категорiальний апарат iсторичної науки. Харківський iсторiографiчний збiрник*. Харків: НМЦ СД, 2000. Вип. 4. С. 48–55.

Волин И.С. О разнотипности историографических источников // *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки*. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 122–123.

Городецкий Е.Н. О многозначности понятий «историографический факт» и «историографический источник» // *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки*. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 118–121.

Дурновцев В.И. О содержании понятия «историографический факт» // *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки*. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 42–53.

Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М.: Высшая школа, 1987. 160 с.

Иванов В.В. Об интерпретации историографических источников // *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки*. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 130–131.

Ипполитов Г.М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 13. № 3(2). 2011. С. 501–509.

Источниковедение: учебное пособие / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: ВШЭ, 2015. 685 с.

Качановский Ю.В. Концепция историка и проблема информации // *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки*. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 71–74.

Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. 216 с.

Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. 226 с.

Критский Ю.М. Эпистолярное наследие историков, как историографический источник (середина XIX в. – 1917 г.) // *История и историки. Историографический ежегодник*. 1973. М.: Наука, 1975. С. 85–112.

Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории // *Мир историка: историографический сборник*. Вып. 11. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С. 77–99.

Маркова Л.А. Наука на грани с ненаукой. М.: Канон+, 2013. 336 с.

Нечкина М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // *История и историки. Историография истории СССР*. М.: Наука, 1965. С. 6–21.

Нечкина М.В. Послесловие // *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки*. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 132–140.

Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. 456 с.

Пушкарев Л.Н. Определение, систематизация и использование историографических источников // *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки*. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 102–108.

Санцевич А.В. О некоторых разновидностях историографических фактов // *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки*. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 77–78.

Сахаров А.М. О некоторых вопросах историографических исследований // *Сахаров А.М.* Методология истории и историография (статьи и выступления). М.: Изд-во Московского университета, 1981. С. 128–152.

Соломаха Е.Н. Понятие историографического источника и историографического факта в советской историографии // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 10–3. С. 23–24.

Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. С. 177–205.

Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // *Труды МГИАИ*. М.: МГИАИ, 1965. Т. 22. С. 3–49.

Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // *Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию академика М.В. Нечкиной*. М.: Наука, 1975. С. 264–274.

REFERENCES

Alevras N.N. Istochnikovedenie istoriografii i istoriograficheskiy istochnik v kontekste istochnikovedcheskoj paradigmy kak povod dlya istoriograficheskikh zametok i razmyshlenij [The chronology of historiography and historiographical source in the context of source paradigm as a reason for historiographical notes and reflections], in *Mir istorika: istoriograficheskij sbornik*. Vyp. 11. Omsk: OmsSU Publ., 2017. Pp. 100–121 (in Russian).

Antoshchenko A.V. O pis'mah G.P. Fedotova i ne tol'ko [About G. Fedotov's letters and not only], in *Mir istorika. istoriograficheskij sbornik*. Vyp. 12. Omsk: OmsSU Publ., 2019. Pp. 292–307 (in Russian).

Bychkov S.P., Korzun V.P. *Vvedenie v istoriografiyu otechestvennoj istorii XX veka* [Introduction to the historiography of Russian history of the XX century]. Omsk: OmsSU Publ., 2001. 359 p. (in Russian).

Vovk O.B. Terminologicheskie problemy istoriografii: istoriograficheskiy fakt i istoriograficheskiy istochnik [Terminological problems of historiography: historiographical fact and historiographical source], in *Kategorial'nij aparat istorichnoi nauki. Harkivs'kij istoriografichnij zbirnik*. Harkiv: NMC SD, 2000. Vip. 4. Pp. 48–55 (in Russian).

Volin I.S. O raznotipnosti istoriograficheskikh istochnikov [On the diversity of historiographical sources], in *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki*. Kalinin: KSU Publ., 1980. Pp. 122–123 (in Russian).

Gorodeckij E.N. O mnogoznachnosti ponyatij "istoriograficheskiy fakt" i "istoriograficheskiy istochnik" [On the ambiguity of the concepts "historiographical fact" and "historiographical source"], in *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki*. Kalinin: KSU Publ., 1980. Pp. 118–121 (in Russian).

Durnovcev V.I. O sodержanii ponyatiya "istoriograficheskiy fakt" [On the content of the notion "historiographical fact"], in *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki*. Kalinin: KSU Publ., 1980. Pp. 42–53 (in Russian).

Zevelev A.I. *Istoriograficheskoe issledovanie: metodologicheskie aspekty* [Historiographical research: methodological aspects.]. Moscow: Vysshaya shkola, 1987. 160 p. (in Russian).

Ivanov V.V. Ob interpretacii istoriograficheskikh istochnikov [On the interpretation of historiographical sources], in *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki*. Kalinin: KSU Publ., 1980. Pp. 130–131 (in Russian).

Ippolitov G.M. Klassifikaciya istochnikov v problemno-tematicheskikh istoriograficheskikh issledovaniyah i nekotorye metodologicheskie podhody k ih analizu [The classification of

sources in the problem-thematic historiographical studies and some methodological approaches to their analysis], in *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, t. 13. № 3 (2). 2011. Pp. 501–509 (in Russian).

Istochnikovedenie [Source study]: uchebnoe posobie. Ex. ed. M.F. Rumyanцева. Moscow: HSE, 2015. 685 p. (in Russian).

Kachanovskij Yu.V. Konceptiya istorika i problema informacii [The concept of the historian and the problem of information], in *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki*. Kalinin: KSU Publ., 1980. Pp. 71–74 (in Russian).

Kireeva R.A. *Izuchenie otechestvennoj istoriografii v dorevolucionnoj Rossii s serediny XIX v. do 1917 g.* [Study of russian historiography in pre-revolutionary Russia from the middle of XIX century to 1917]. Moscow: Nauka, 1983. 216 Pp. (in Russian).

Korzun V.P. *Obrazy istoricheskoy nauki na rubezhe XIX–XX vv. (analiz otechestvennyh istoriograficheskikh koncepcij)* [Images of historical science at the turn of XIX–XX centuries. (analysis of domestic historiographical concepts)]. Ekaterinburg: UrSU Publ.; Omsk: OmsSU Publ., 2000. 226 p. (in Russian).

Kritskij Yu.M. Epistol'noye nasledie istorikov, kak istoriograficheskij istochnik (seredina XIX v. –1917 g.) [Epistolary heritage of historians as a historiographical source (middle of XIX century –1917)], in *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskij ezhegodnik*. 1973. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 85–112 (in Russian).

Malovichko S.I., Rumyanцева M.F. Istochnikovedenie istoriografii kak predmetnoe pole intellektual'noj istorii [The chronology of historiography as the subject field of intellectual history], in *Mir istorika: istoriograficheskij sbornik*. Vyp. 11. Omsk: OmsSU Publ., 2017. Pp. 77–99 (in Russian).

Markova L.A. *Nauka na grani s nenaukoj* [Science on the verge of non-science]. Moscow: Kanon+, 2013. 336 p. (in Russian).

Nechkina M.V. Istoriya istorii (nekotorye metodologicheskie voprosy istorii istoricheskoy nauki) [History of history (some methodological issues of history of historical science)], in *Istoriya i istoriki. Istoriografiya istorii SSSR*. Moscow: Nauka, 1965. Pp. 6–21 (in Russian).

Nechkina M.V. Posleslovie [Afterword], in *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki*. Kalinin: KSU Publ., 1980. Pp. 132–140 (in Russian).

Popova T.N. *Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh tradicij. Teoriya. Metodologiya. Praktika* [Biography of the scientist-historian at the crossroads of historiographical traditions. Theory. Methodology. Practice]. Odessa: Bondarenko M.A. Publ., 2017. 456 p. (in Russian).

Pushkarev L.N. Opredelenie, sistematizaciya i ispol'zovanie istoriograficheskikh istochnikov [Identification, systematization and use of historiographical sources], in *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki*. Kalinin: KSU Publ., 1980. Pp. 102–108 (in Russian).

Sancevich A.V. O nekotoryh raznovidnostyah istoriograficheskikh faktov [On some types of historiographical facts], in *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki*. Kalinin: KSU Publ., 1980. Pp. 77–78 (in Russian).

Saharov A.M. *O nekotoryh voprosah istoriograficheskikh issledovanij* [On some issues of historiographical research], in Saharov A.M. *Metodologiya istorii i istoriografiya (stat'i i vystupleniya)*. M.: MSU Publ., 1981. Pp. 128–152 (in Russian).

Solomaha E.N. Ponyatie istoriograficheskogo istochnika i istoriograficheskogo fakta v sovetskoj istoriografii [The concept of historiographical source and historiographical fact in Soviet historiography], in *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2016. № 10–3. Pp. 23–24 (in Russian).

Shmidt S.O. Arhivnyj dokument kak istoriograficheskij istochnik [Archival document as a historiographical source], in Shmidt S.O. *Put' istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii*. Moscow: RSHU, 1997. Pp. 177–205 (in Russian).

Shmidt S.O. O metodike vyavleniya i izucheniya materialov po istorii sovetskoj istoricheskoy nauki [On the method of identification and study of materials on the history of Soviet historical science], in *Trudy MGIAI*. M.: MSHAI, 1965. T. 22. Pp. 3–49 (in Russian).

Shmidt S.O. Nekotorye voprosy istochnikovedeniya istoriografii [Some problems of the chronology of historiography], in *Problemy istorii obshchestvennoj mysli i istoriografii. K 75-letiyu akademika M.V.Nechkinov*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 264–274 (in Russian).